СТИХИ НА ФОНЕ ПИРАМИД

В миражах раскалённого Нила,
Где от зноя вскипают пески,
В поднебесье взлетает могила,
Всем законам земным вопреки.

Золотое звенит оперенье
На гранёной калёной скале,
С высоты источая презренье
Истлевающим жалко в земле.

Я сомкну на мгновение очи,
За спиною века промелькнут,
И по лезвию света и ночи
В Гелиополь введёт меня Нут [1].

Как случается с каждым поэтом,
Не успею вкусить я побед, –
Рассечённый завистливым Сетом [2],
Раскачусь по частям на весь свет.

Но в ответ запоёт пирамида,
И, Осириса напрочь забыв,
Соберёт меня вместе Исида,
Поцелуем своим воскресив.

Я поводья сожму колесницы,
Кони вскинутся, словно зверьё,
И по воле прекрасной царицы
Распахнётся виденье моё.

Золотые протянутся нити
Их далёких волшебных времён,
Мне улыбку пошлёт Нефертити,
И ударит в плечо Эхнатон.

Замурлыкав негромко спросонок,
Позабыв про века и бои,
Сфинкс потянется, словно котёнок,
И потрётся о ноги мои.

Поклонюсь я божественным теням,
К пирамиде на миг припаду
И по каменным гулким ступеням
К Ориону [3] навечно взойду.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ГУМИЛЁВА

«Каннибалы, звери, малярия!..»
«Раскалённый африканский ад!..»
Голосила вслед ему Россия,
Призывая поскорей назад.

---

[1] Нут – богиня неба.

[2] Сет – воплощение зла, бог пустыни и бури, убийца Осириса.

[3] Орион – место обитания царственных душ до их нового воплощения.

Но, даря поэту только милость,
Африка, черна и весела,
Так в него отчаянно влюбилась,
Что от сотен зол уберегла.

Были беды Африки – не беды
Против тех, что ждали за окном:
Главные на свете людоеды
Обрелись в отечестве родном.

Горькая Россия не узнала,
Где зарыли ночью тайный гроб.
Но во тьме его поцеловала
Африка в пробитый пулей лоб.

* * *

Чёрный сокол косою свистнет,
Распахнёт врата небытьё…
И на чашу Весов Двух Истин
В полночь сердце падёт моё.

Крякнут боги от перегрузки:
Стольким надо покинуть свет,
А ещё тут явился русский,
Заплутавший в веках поэт!

Хмуро брови Анубис [1] сдвинет –
Весовщик и судья менад,
Но на чашу другую кинет
Вместо гири перо Маат [2].

И качаться начнёт в эфире –
Только слово не то скажи –
Самый точный в подлунном мире,
Самый древний детектор лжи.

Львица с телом гиппопотама,
Пожирательница сердец –
У весов облизнётся Амма [3],
Скорый мой предвкусив конец.

Ей известно с начала света,
С клинописных ещё стихов –
Нет на бренной земле поэта
Без огромной сумы грехов.

Но и Амма, и Сет не знают,
Что, над словом в ночи молясь,
Эти грешники вдруг взлетают,
Легче ангелов становясь.

И в ответ на богов расспросы
Сердце тайный прошепчет стих.
И оставит всех судей с носом,
Вместе с чашею воспарив.

Вспыхнет синью небесный ѝрис,
Звёзды выплеснув через край,
И махнёт мне рукой Осирис,
Пропуская в свой древний рай.

* * *

Состязанье длилось две недели.
Расходилась воина рука.
Мчались колесницы на пределе,
И пронзали копья облака.

Против силы находилась сила,
Против стати находилась стать.
«Проиграй!» – любимая молила.
«Проиграй!» – шептала утром мать.

Но звенели, разрываясь, нервы,
Тяжелели мышцы, как свинец, –
Был он назван в поединке первым,
И украсил лоб его венец.

Семь ночей он пил вино и славу,
А потом разбил кувшин о стол
И, спасая от беды державу,
К жертвеннику белому пошёл.

Он смотрел с надеждою на небо,
А не на жреца, что нёс кинжал.
«Будет дождь. И будет много хлеба», –
Только это людям он сказал.

ДАГОМЕЯ

Скалит зубы дворец старинный –
Самый чёрный оплот любви:
Нету в мире надёжней глины,
Чем замешена на крови.

Чтобы камни срослись навечно,
Власть вождя оградив стеной,
Гнали воины каждый вечер
Верноподданных на забой.

---

[1] Анубис – бог-покровитель умерших, главный распорядитель на суде душ.

[2] Маат – богиня справедливости.

[3] Амма – чудовище, поедающее души-сердца людей по решению суда богов.

Те не бились и не рыдали,
Шли под сабли, смирив сердца,
И безропотно умирали,
Чтоб частицею стать дворца.

Чтоб летела по свету слава,
Чтобы гордость бросала в дрожь,
Чтоб цвела на крови держава
И от жира лоснился вождь…

Я застыл у стены, немея,
Вспыхнул алым кровавый круг,
И зловещая Дагомея
Мне напомнила что-то вдруг.

Это небо в тяжёлой сини,
Эта жертвенность ради стен –
Не судьба ли моей России,
Угодившей в имперский плен?

В алых башнях такая сила –
Не возьмёт ни снаряд, ни стих!
Сколько ты ради них сгубила
Самых верных сынов своих?!.

Эх, Россиюшка ты, Рассея,
Путь твой горек и осиян, –
Златоглавая Дагомея
На солёной крови славян.

АБИССИНИЯ

Над Россиею небо в инее,
Катит стужа девятый вал,
Только снится мне Абиссиния
В ожерельях багровых скал.

Закружу в ночном
Чернотропе я,
И опять оборвётся след:
На планете есть Эфиопия,
Абиссинии больше нет.

А ведь не было ни красивее,
Ни таинственнее земли:
Абиссиния, Абиссиния,
Как тебя потерять могли?!

Потому и стезёю млечною,
В этом царстве песков и львов
Тихо тенью блуждает вечною
Неприкаянный Гумилёв.

С чернокожею берегинею
Буду вслед я за ним шагать
И пропавшую Абиссинию
В миражах и стихах искать.

И однажды холодно-синее
Небо в полночь вдруг запоёт,
И откроется Абиссиния,
И меня к себе призовёт.

И когда дойду, обессилив я,
До её сокровенных мест,
Мне пожалует Абиссиния
За усердие Южный Крест.

АФРИКАНСКАЯ СЮИТА

Прожигая переливы аметистового фронта,
Над саванной расцветает незнакомая звезда,
И апострофы жирафов над строкою горизонта
Отмечают ударенья, чтоб запомнил навсегда.

Фиолетовые кроны – вдоль мерцающей дороги.
На груди Килиманджаро дремлет дикая гроза.
Мы спускаемся в долину, как с небес
спускались боги,
И дорогу лепестками выстилают небеса.

Одинокие деревья, чтоб запомнил я навечно,
Отмечают восклицанья этой сказочной земли,
И летит над ними грифом за своей добычей вечер,
И под ним рокочет эхом песня львиная вдали.

Пусть в реке, рычащей Ма-р-р-а, истекают
вечной злостью
Саблезубые торпеды – крокодилы между струй.
Но вздыхает слон влюблённо и спешит
к слонихе в гости,
И жирафиха жирафу дарит долгий поцелуй.

Затерявшись в этом мире, где смешались быль
и небыль,
Вместе с ними я сегодня леопардом в ночь уйду.
Где-то там, пониже рая, Южный Крест
прочертит небо
И заменит на неделю мне Полярную звезду.

А потом мне будут сниться битвы, схватки
и набеги,
Но среди звериных хроник вдруг обнимет
светлый сон:
Отцветающих акаций фиолетовые снеги
Тихо падают на плечи тёмно-бронзовых мадонн...

ОКОШКО БОГА

Туч разметая своры,
Алый разинув зев,
Солнце метнулось в горы,
Как на добычу лев.

Это тебе не Лена –
Долгих закатов дрожь –
В Африке ночь мгновенна,
Как гильотины нож.

Мамбой [1] свилась дорога,
Кольца крутя из тьмы,
Только к Окошку Бога [2]
Всё же успели мы.

Древней террасы блюдо
Вынесло к бездне круч,
Чтоб осиял нам чудо
Самый последний луч.

Вспыхнула бесконечность
Скалами эполет,
И распахнулась вечность
На миллионы лет.

Глядя в Его окошко,
Ангелов слыша клик,
Богом я стал немножко
В этот великий миг.

НАВАЖДЕНИЕ

В небеса душа стрелой взлетела,
Покачнулся мир средь бела дня,
А всего-то только – поглядела
Королева буша на меня.

Поглядела с вызовом, без правил,
Обжигая страстью горячо.
Ожерелье на груди поправив,
Шоколадным повела плечом,

Не слабо, мол, в Африке остаться,
Бородатый фотозверобой?..
Не умея взглядами сражаться,
Проиграю я неравный бой.

На одно плечо закину шкуру,
На другое положу копьё,
И красотку, жгучую самбуру,
Во владенье уведу своё.

Из колючек для неё построю
Неприступный замок королев –
Не возьмут его масаи боем,
Не запрыгнет самый ловкий лев.

Буду я во всём примерным мужем –
Бить в тамтам и целовать в ушко,
А под вечер с нею пить на ужин
Смешанное с кровью молоко.

Буду я любить свою подругу
Все двенадцать месяцев подряд,
И у нас забегают по кругу
Восемь или десять самбурят.

Стану я стихи слагать рассветам,
Обжигая строчки над огнём.
Буду я охотником, поэтом,
Воином, вождём и королём!

Но… приду в себя на месте лобном,
Томный взор красотка отведёт…
Зарычит походный джип утробно
И в железных челюстях сожмёт.

И помчит меня, предав обману,
Наизнанку вывернув нутро,
В хмурую московскую саванну
С каменными норами метро.

НА МЫСЕ ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ

Разорвав пелену тумана,
От норд-веста поёт скала,
В синь пьянящую океана
Мыс вонзается, как игла.

Над волною гуляют стоны –
Позабывшие гарпуны,
Продувают киты кингстоны,
Поднимаясь из глубины.

Нету места сегодня тризне,
Полдень плещется голубой.
И салютом кипящей жизни
В поднебесье летит прибой.

---

[1] Мамба – одна из самых ядовитых африканских змей.

[2] Окошко Бога – природный феномен Южной Африки, площадка на краю Драконовых гор, над гигантским каньоном реки Блэйд глубиной около тысячи метров. В хорошую погоду видимость здесь достигает 120 километров.

Драконовы горы, Африка

С воинами масаи

Но в приливе людского шума,
В разноцветье одежд и стран
Серой тенью бредёт угрюмо
Еле видимый капитан.

За спиной его кара свищет,
Тянут с лестницы вниз года.
Но упрямо он взглядом ищет
Ту, что нынче ответит «да».

Как вонзает он вожделенно
В эти груди горящий взор,
И клубится седая пена
Из его почерневших пор.

Как отчаянно сердце бьётся
Уплывающим юбкам вслед,
Ведь попытка ему даётся
Лишь единожды в десять лет!

Нет, не сбросят они одежды
И глаза не опустят вниз…
Вновь разрушит его надежды
Этот Доброй Надежды мыс.

И не снимут опять проклятье
Ни молитва, ни дикий крик…
Только в полночь сожмёт в объятьях
Ван дер Декена [1] вечный бриг.

[1] Ван дер Декен – капитан, прототип «Летучего голландца». В XVII веке, после совершённого капитаном преступления, его корабль не смог обогнуть мыс Доброй Надежды и превратился в морской призрак. Многовековое проклятие с Ван дер Декена падёт только тогда, когда одна из женщин на этом мысу согласится стать его женой.

* * *

Будут звёзды, словно апельсины,
Падать в зелень африканских гор.
Распахнут неспешные вершины
Для меня мерцающий шатёр.

Зарычит в саванне поздний вечер,
Но с винтовкой под руку своей
Забредёт на дружескую встречу
Воскрешённый мной Хемингуэй.

Пусть утробно воют василиски
И хохочут полчища гиен, –
Мы накатим по стакану виски
За прекрасный африканский плен.

Вспомним все отмеренные мили
И, чуть-чуть для красоты загнув,
Посудачим всласть на суахили,
Симбу с мамбой [2] всуе помянув.

Будет пламя тихо грызть поленья,
Бесконечный слушая рассказ,
И на лапы лягут в отдаленье
Жёлтые огни смирённых глаз.

Лишь луны надтреснутая фара
Будет биться у ветвей в сети
Да мерцать снега Килиманджаро
Где-то возле Млечного Пути.

Помолчав о самом сокровенном,
Хэм пообещает у огня,
Что в небесном буше непременно
На сафари пригласит меня.

И уйдёт – седой и бородатый,
Раздвигая травы и года,
Как ушёл из Африки когда-то,
Чтобы в ней остаться навсегда.

[2] Симбу с мамбой – льва с крокодилом (суахили).